

выкормила в блокаду мальчика, будущего гроссмейстера, — быть н е п о д д а в ш и м и с я. «Если бы я в свое время поддалась, — признается она сама себе в мыслях, — если бы плыла по течению в городке Резена, где несколько поколений Московичей скоротало век, то меня бы Адольф Гитлер прикончил между Днестром и Южным Бугом (как маму с папой)».

Правда — «это то, что я сам знаю о себе./ А я-то знаю, что я есть!» — внезапно понимает Виктор Пешков. А значит, он уже не просто фигурка в шахматной игре судеб, пешка, которую смахнут со стола и о которой скоро забудут, он стал гроссмейстером своей собственной жизни независимо от того, в ы д в и н у л и его или нет. Он тоже — н е п о д д а в ш и й с я. Он реально существует, неповторим и верен только своему личному хронографу — своему частному бессмертию.

Мария БУШУЕВА

ОТРЯСАЯ РЕАГЕНТ (Новые стансы к Москве Евгения Лесина)

Лесин Евгений. Кормление уток на берегу реки Сходни. — М: ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 100 с.

Не читавшие книгу Е. А. Лесина «Кормление уток на берегу реки Сходни», поди, даже не представляют, что течение столь тяжелой социопатии может быть записано в таких бодрых, даже бойких ритмах:

Хорошо, когда есть дело,
Затаился и молчи.
И Москва похорошела,
Жаль мешают москвичи.
Вот бы их куда поближе
К пеплу, яме и траве.
Патриоты все в Париже,
А предатели — в Москве.
Улетели птичьи стаи,
Кошки выгнали собак.
Покидают нас трамваи,
Остается только мрак...

Вместо законно ожидаемых читателем надрыва, блюза — под обложкой книги рок-н-ролл. Причем настоящий: я нарочно попробовал пропеть этот стих (и еще несколько) под «Rock Around the Clock» Билла Хэйли — прекрасно ложится при небольшом проглатывании окончаний строк, что, кстати, принято и в зарубежной эстраде.

Пауки не лезут в банки,
До утра закрыты рынки,
От Ходынки до Хованки,
От Хованки до Ходынки.
Жизнь ушла, а я на базе.
Давят круглые томаты
То китайцы на Кавказе,
То в Китае азиаты.

Мир как воля для тростинки,
 Пир души и дело блуда,
 От Хованки до Ходынки.
 Как отсюда и дотуда.
 Не ходите в комитеты
 Где решаются решенья.
 Да какие там бюджеты?
 Ну какие улучшенья?
 Вы на Кипре и на Крите,
 Там и плюйте, дорогие,
 Вы, товарищи, пилите,
 Гири точно золотые.
 Вы пилите, вам зачтется
 В избирательной кабинке,
 От Хованки Русь несется
 До Ходынки без запинки.

Неопытный в поэзии и психологии читатель (о нем далее) ошибочно определил основной тон книги Лесина «агрессивная ностальгия, плач по утраченной Москве, мизантропия...».

Нет, как раз к *антропам*, сиречь людям, автор относится довольно терпимо, но вот окружающий «экзистенциальный порядок вещей»... Что ж, рассмотрим список предметов и обстоятельств, об утрате (или порче, или «уже не те») которых он выразительно сожалеет: снег, лед, московский район Тушино, трамваи (особенно польские), немного троллейбусы, утки (видно и по титулу книги), водка.

И список новшеств, вызывающих его неприятие: новостройки, реагент, съезжающий любимые снег и лед), телеканалы (все), благоустройство улиц и дворов, саранча из Бирюлева (интересно, о ком это?), дождь.

И что мы видим на страницах книги? Ведь известно: «Ностальгия — тоска, печаль по утраченному». Примерами настоящей ностальгии Анна Наринская, спецкор ИД «Коммерсантъ» (им ли не знать!), называет «Другие берега» Набокова, прозу Бунина, Шмелева.

Но у Лесина и об утраченном (список 1) говорится с той же злой веселостью, что и о реагенте. Так что это: социопатия, как и было сказано...

Одна бывшая моя студентка, увидев книгу, взяла почитать. Я преподавал когда-то журналистику, встретились мы на скучнейшей пресс-конференции (что-то о новых технологиях в строительстве). Собственно, вышеупомянутый «читатель» и была она, симпатичная троечница, а не как выражаются в переносном смысле: «*сегодня наш зритель/читатель*». Это она обвинила Е. Э. Лесина в «ностальгии, мизантропии», возвращая книжку в конце мероприятия. С популярным ныне у молодежи выражением лица, словно жалеет о пропущенных новостях строительного комплекса.

Что ж, «преподов бывших не бывает» (сейчас ветераны практически всех профессий применяют к себе этот бодрый штамп), и я вспомнил, как настаивал на «*введении в ткань репортажа, очерка цитат, аллюзий, примеров из литературы. Даже если они в принципе не могут быть знакомы аудитории вашего СМИ, все равно эта зацепка будет будоражить*»... В общем, принялся за старое.

— Видишь ли, Оля. Это не Лесин Е. Э. гонит москвичей к яме, пеплу, а его «лирический герой» (без этого посредника опять не обойтись!). Это он, Г. Лирический, на засыпанных тротуарах и опустевших трамвайных линиях выискивает, конденсирует по каплям истерию «москвичей», предугадывая (!), за несколько месяцев до... (кни-

га вышла весной) — митинги, визги. Ну, как... лирический герой «Записок из подполья» — это ж не Достоевский. А у Лесина Е. Э. как раз одна книга и называлась «Записки из похмелья».

— А почему утки?

— Ну-у, Оля... Это как «Утиная охота» Вампилова, но наоборот. Не разговорной прозой, а в рифму, не в Иркутске, а в Москве, не с двумя охотничьими двустволками, а четырьмя буханками хлеба уткам. А так все сходится: там распалась семья, и герой идет на утиную охоту, тут расстроилась свадьба...

Видно свадьбу отметить решили,
А невеста, убив жениха,
Убежала с любовником в Чили,
Продавать дорогие меха.
Не случилось разгула и пьянки,
Вот и вынесли свадебный стол.
Взял я хлеба четыре буханки
И на Сходню к оврагу побрел.
Где-то плещется теплое пиво,
Кто-то в спину стреляет врагу.
Утки, крикая нетерпеливо,
Ждут меня на моем берегу.
Плохо — не было свадьбы и пьянки.
Утки злобно в ответ: «Хорошо!».
Я скормил им четыре буханки
И еще за добавкой пошел.

А по существу разбираемой книги могу сказать следующее. С оценкой Евгением Лесиним примеров нынешнего благоустройства я решительно не согласен. Более того, являясь некоторым образом экспертом по городской инфраструктуре, автором многих очерков в «НГ-Наука» (спросите у А. Ваганова) и даже пяти статей по этой теме в научных, ваковских изданиях, могу утверждать: последние 10 лет — один из самых успешных периодов в истории города, сравнимый с концом XIX века, когда в Москве под руководством городского головы/мэра князя В. М. Голицына в считанные годы появились: канализация, электричество, трамвай, телефон... Автор и сам неожиданно признает высокий уровень комфорта МЦК, хотя в поездке и распивает спиртные напитки (впрочем, может, и благодаря им).

Однако при полном онтологическом несогласии с Евгением Лесиним не могу не отметить следующее. Строки, рифмы ложатся прочно. Как тротуарная плитка под киянкой опытного гастарбайтера:

В квартире чепуха,
Отметили победу.
Я до ВДНХ
Из Бабушкина еду.

И это постукивание индуцирует два невольных поворота настроения, последовательно: сначала сожалеешь о снеге ушедшем, об этих польских трамваях, а затем в опустошающем ритме, отупев от нескончаемого перечня несущихся городской фактур, словно машешь рукой: Да и катись они!

Заразительность ритма рецензируемой книги, если кратко — я могу доказать, пожалуй, лишь собственными двумя четверостишиями, невольно индуцированными, шамански навеянными (кормление — камлание) ее, книги, чтением:

Не терплю больше этот Содом,
Тут и жители все: содомиты.
Знаю, что с ними станет потом —
Не пророки, но лыком не шиты!

Не хотел их судьбу разделить,
Переехал, за прессой слежу.
Скоро-скоро!
Тут соседи: ОК! Можно жить.
Да и город уютный... Гомор-ра!

Лот, кстати, тоже встречается на страницах книги... Не хотел особо кромсать «Кормления уток на реке Сходне», но слишком уж момент был подходящ, и слишком мне интересен любой опыт общения с другим, новым поколением, которое как ни крути, но сменит нас. О своем преподавании истории (в другом универе) публиковал очерки и даже как-то раз стихи. Что там у них на уме? Порой кажется, один только рэп (наличие в их поколении исполнителей и слушателей (!) этого словесного дерьма) — аргумент против попыток поиска всяких взаимопониманий, но все же любопытство пересиливает.

P. S.

Вот и свою экс-студентку, аттестовавшую Лесина Е. А. «ностальгирующий мизантроп... добренький только с утками», я тогда немножко поддразнил. Не без элементов зондажа, «литературного теста» (или «квеста»?): как наше слово отзовется? И вообще. Объяснил Оле, что это «Кормление на Сходне...» было только «Прикармливание...», что скоро, вот-вот выйдет и продолжение «На Сходне-2», и уж там, собрав всю стаю, он, Лесин Е. А., им покажет! Никаких сантиментов, только дробь № 8 и десятый калибр...

Не очень разбираясь в словаре современных молодежных гримас... не уверен, что Олю заинтересовал мой самозванный «сиквел» — потому и оставляю его за пределами статьи, в постскрипуме.

Игорь ШУМЕЙКО

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Евгения Некрасова. Калечина-Малечина. Роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. — 279 с. — (Роман поколения).

Роман, о котором спорят. История, хотя и со сгущенным окрасом, до грусти банальна. Главная героиня, десятилетняя Катя, живет с родителями в «лилипутском» городке вблизи мегаполиса в панельной многоэтажке и, как это часто бывает, постоянно находится дома одна. Родители рано утром спешат на электричку — в «Гулливе-